

**Смерть древнерусских архиереев
(X – середина XII вв.):
обстоятельства и закономерности**

В современном религиозном сознании кончина архиерея, тем более правящего епископа важное и знаковое событие для возглавляемой им церкви (христианской общины округа). Но всегда ли так было на почве русского православия?

В раннем древнерусском летописании сообщения о жизни и смерти архипастырей встречаются не так часто, как это должно было бы наблюдаться и как бы это хотелось видеть любому исследователю, обращающемуся к данной теме, а места погребения большинства архиереев, исключением из чего является Новгород¹, просто не известны². Дело осложняется тем, что не только смерть, но и жизнь древнерусского епископата в значительном большинстве его представителей туманна и лишена какой-либо конкретности. Порой крайне трудно определить как порядок преемственности архиереев на кафедре, так и годы святительства даже тех из них, чьи имена всё же попали в древнерусское летописание и агио-

¹ Во-первых, новгородское летописание сохранило списки архиереев, а, во-вторых, Новгород создал и сохранил некрополь местных епископов и архиепископов (ПСРЛ Т. 3. С. 473-475; Т. 4. 625; Янин В.Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988).

² Из ранних русских митрополитов сохранились лишь мощи, обретенные киевским митрополитом Петром Могилой и приписываемые Михаилу, что, однако, даже в церковной литературе вызывает недоверие к результатам идентификации найденных останков (Матченко И. Спорные вопросы по истории крещения Руси (Ответ на статью г. Левитского в «Христианском чтении» 1890 г.) // Странник, 1891. Т. 2. С. 375). Сохранились упоминания о месте погребения в Чернигове, у церкви Спасителя, одиозного митрополита Константина (†1159) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349) и обстоятельств и места упокоения Ростовского епископа Луки (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407). Правда, в более позднее время могила Константина была утрачена. Подобная ситуация прослеживается в отношении белгородского епископа Максима, над саркофагом которого и местом его кельи был возведён храм (Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 68). Что касается открытого на территории древнего Турова саркофага, предположительно принадлежащего одному из местных архиереев, то идентифицировать сохранившиеся в нем останки с конкретной личностью не представляется возможным (Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 40).

Смерть древнерусских архиереев

графию. Существующие затруднения касаются не только митрополитов, на что обращали внимание почти все исследователи домонгольского периода русской церкви³, но и, как бы сейчас сказали, «епархиальных» епископов⁴.

Полностью осветить проблему посмертных сообщений о древнерусских епископах в рамках одного небольшого очерка едва ли возможно, однако обнаружить и проследить некоторые закономерности реально.

О смерти первых русских епископов (конец X – конец XI столетий) раннее древнерусское летописание сохранило ограниченное число сообщений. В результате, о том, что тот или иной архиерей сошёл с кафедры (либо в могилу, либо на покой) можно лишь догадываться на основании упоминаний о появлении имён их преемников.

³ О смерти митрополитов в домонгольской Руси см.: *Гайденко П.И.* «В же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси // *Вестник Челябинского государственного университета: История.* Выпуск 46. 2011. 22 (237). С. 82-87.

⁴ Так, о деяниях двух смоленских епископов, Игнатия и Лазаря, известно исключительно благодаря агиографии, связанной с судом над Авраамием Смоленским. При этом имя епископа Игнатия оказалось в нём не столько благодаря достоинствам святителя, сколько тому, что своими поступками и решениями он способствовал страданиям игумена Авраамия (*Житие Авраамия Смоленского* // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII в. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 2005. С. 30-65). Не менее противоречива ситуация с первыми Ростовскими епископами, Так, о архапастьерских трудах Леонтия сообщает лишь житийная литература (Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 2004. С. 360, 361). Существующая в редакции святителя Димитрия Ростовского реконструкция преемственности первых ростовских епископов, как и их деяния во многом гипотетичны, представляют собой плод благочестивых измышлений выдающегося митрополита (Летописец о ростовских архиереях / свт. Дмитрий Ростовский, А.Титов. СПб., 1890). Во всяком случае выводы В.О. Ключевского в отношении того же Леонтия оказались более чем неутешительными. По мнению выдающегося русского историка, жизнеописание Леонтия свои сведения «черпало единственно из смутного предания, не основываясь на письменном источнике, на летописи или на чем-нибудь подобном» (*Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 15). Подобная ситуация прослеживается и в отношении Турова. Реконструкция преемственности местных епископов здесь во многом воссоздаётся благодаря короткому сообщению жития преп. Мартына (Сказание о туровском мнихе Мартыне // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988-1240). М., 1995. Кн. 2. С. 583). Летописание же почти не заметило большую часть туровского епископата.

Первым епархиальным архиереем, чья смерть была отмечена летописанием, правда, весьма поздним, оказался новгородский святитель Иоаким Корсунянин († 1032)⁵. Между тем, запись о его святительстве и смерти (правда, последняя никак не оговаривается в источниках) присутствует и в Новгородских сводах⁶.

Через 27 лет умер его преемник, Лука Жидята († 1058/9). На этот раз дата кончины архипастыря была указана с непривычной точностью вплоть до дня, места, обстоятельств его смерти и даже порядка погребения. Сообщение было донесено не только поздним Никоновским сводом, но и новгородским летописанием⁷. Более того сообщение о смерти Луки скорбное и полно сочувствия к гонимому святителю. Четвёртая Новгородская летопись сопроводила запись о кончине епископа одним (впрочем, единственным сохранившимся) из его наставлений, отразившим пастырскую попечительность Луки о новгородцах и понимание им сложности религиозной и нравственной жизни современников⁸.

Через 8 лет своими холопами был задушен новгородский епископ Стефан⁹. Примечательно, что сообщение о произошедшем почему-то не попало в погодную запись и сохранилось лишь в качестве эпитафии в перечне новгородских епископов. Причину этого, наверное, вслед за М.Н. Тихомировым следует искать в личных качествах Стефана¹⁰. Во всяком случае, известие о его гибели звучит без какой-либо нотки сострадания и сочувствия и напоминает собой лишь констатацию примечательного криминального происшествия.

1077 г. ознаменовался гибелью Феодора, наследовавшего после Стефана кафедру святой Софии и участь предшественника¹¹. Гибель святителя и на этот раз не вызывала в новгородской цер-

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 79.

⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 473; Т. 4. С. 625.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 91; Т. 3. С. 182-183, 473; Т. 4. С. 118, 625.

⁸ ПСРЛ. Т. 4. С. 118-120; Поучение новгородского епископа Луки Жидяты к братии // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 197-198; 494-498 [коммент. и сноски 902-914]; о наставлении Луки Жидяты см.: Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в., 2009. № 2. С. 136-146.

⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 473; Т. 4. С. 625.

¹⁰ М.Н. Тихомиров вполне обоснованно связал смерть еп. Стефана с Киевскими волнениями 1068 г. и социальными противоречиями эпохи. Во всяком случае, вполне можно согласиться с выдающимся исследователем о том, что «обстоятельства смерти новгородского епископа, погибшего от рук собственных холопов, вскрывают перед нами одну из мрачных картин русской церковной действительности XI в.» (Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 106-107).

¹¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 473; Т. 4. С. 133, 625

Смерть древнерусских архиереев

ковной среде сочувствия¹². Учитывая данное обстоятельство, кончина этого епископа должна быть прокомментирована. Согласно летописанию, святитель скончался от укусов собственного пса. Уже одно это делает смерть епископа Феодора примечательной.

При жизни Феодор прославился своей отвагой, сумев противостоять городскому восстанию 70-х годов XI в.¹³ Уже одно это должно было бы обеспечить архиастырю добрую христианскую память. Однако раннее летописание оказалось скупым на посмертную похвалу епископу. Только поздняя Никоновская Летопись и свод Татищева попробовали воссоздать драматизм ситуации, в которой святитель проявил заслуживающие уважение твёрдость веры, отвагу и решительность. Тем не менее, сообщая о смерти этого человека, составитель новгородского свода отказался от каких-либо эпитетов в адрес усопшего, оставив в памяти потомков лишь краткое сообщение: «А Феодора свои песь уяде и с того умре»¹⁴. Такая примечательная запись не могла остаться вне внимания исследователей. В итоге И.Я. Фроянов высказался за то, что данное сообщение далеко от реальности. По мысли историка, летописец, скорее всего, ничего не знал об обстоятельствах смерти епископа, который, по мнению учёного, стал жертвой язычников¹⁵.

И всё же, при всей оригинальности высказанных суждений и приведённых доводов согласиться с изложенными положениями никак нельзя. Причина указанной в летописании смерти не лишена подробностей [архиерей погиб от укусов своего пса], что убеждает в правдоподобности сообщения автора приведённой записи. Летописец, по-видимому, был хорошо осведомлён об обстоятельствах произошедшего. Очевидно, появление данной записи свидетельствует в пользу того, что кончина Феодора привлекла внимание современников, как, например, запомнилась новгородцам странная гибель двух священнослужителей, утонувших в Волхове¹⁶. Причём произошедшее с «попами» несчастье стало од-

¹² Новгородское летописание создавалось при дворе местного архиерея. Наверняка к созданию текста привлекалось монашество, но в любом случае составители сводов были тесно связаны с церковью. Следовательно, форма и содержание записей отражали точку зрения людей, имевших самое непосредственное отношение к христианским институтам Руси.

¹³ Точная датировка упоминаемых событий представляет предмет научной дискуссии (Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012. С. 119). Однако, в данном случае этот нюанс для нас не имеет принципиального значения.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 473.

¹⁵ Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть... 120-123.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 3. Стб. 213.

ним из главных достопримечательных событий 1145 года. Не менее спорен вопрос и о якобы страдальческой кончине епископа от рук язычников. Как бы мы ни желали Феодору христианского венца мученика от рук гонителей веры, но судьба распорядилась иначе, и епископ был нелепо убит собственной бессловесной бестией.

Появление этой собаки вблизи архипастыря позволяет не только взглянуть на бытовую сторону жизни архиерейского двора, нуждавшегося в хорошей охране, но и на то, как оценивали современники деятельность своего святителя. Едва ли вызовет сомнение то, что в летописи речь идёт не о какой-нибудь случайной дворняге, налетевшей на князя церкви, а о сторожевом псе, способном справиться с любым грабителем. Так почему же летописец обратил внимание на столь нелюбимую сторону гибели архипастыря и сохранил сообщение о случившемся несчастье с непривычными для посмертных эпитафий подробностями?

Вероятно, в обстоятельствах смерти архиерея усматривается личное отношение первого составителя данной записи к Феодору. Объяснение, как нам видится, следует искать в той особенности, что пёс, как в языческом, так и церковном сознании относился к числу «нечистых» животных. Например, в канонических ответах митрополита Георгия (XI в.) собака упоминается дважды. Оба случая связаны с вопросами соблюдения ритуальной чистоты в быту. Во-первых, изложенными митрополитом правилами не допускалось есть из посуды, из которой «налочет» (полакает) собака¹⁷, и, во-вторых, накладывался запрет на приготовление хлеба в печи, в которой умер пёс¹⁸. Все эти ритуальные казусы едва ли были привнесены на русскую почву нормами византийского христианства. Скорее всего, они заимствовались из языческой старины¹⁹ и в дальнейшем были лишь приписаны Георгию²⁰. Но как бы ни решался вопрос об авторстве некоторых статей митрополичьих правил – названные рекомендации были в употреблении. В пользу высказанного положения о народных славянских корнях запретов

¹⁷ «Аще пе(с) налоче(т) что ли сверче(к) впаде(т). ли стонога. ли жаба. ли мы(ш) согние(т). и разидетса гноемь, того не ясти» (Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа // Славяне и их соседи. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 249 [вопр. 88]).

¹⁸ «Песь лезъ в печь оумре(т) не печи в [не]и хлеба» (Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа... С. 251 [вопр. 94]).

¹⁹ См. подробнее: Баранкова Г.С. Древнейшее русское каноническое сочинение киевского митрополита Георгия // Русская речь. 2008. № 5. С. 85.

²⁰ См. подробнее: Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211-262.

Смерть древнерусских архиереев

относительно псов свидетельствует в том числе обилие славянских (вынесенных из языческого прошлого священных ритуалов и запретов) ругательств. Значительная часть из них так или иначе связана с упоминанием собак и сопряжённых с ними представлений, что весьма показательно²¹. Едва ли можно исключить и то обстоятельство, что для современников, в том числе, в самой церковной среде Новгорода, особенно в кругу монахов, традиционно тяготевших к сакральной ритуализации повседневной жизни, присутствие пса при епископе и смерть от укусов собаки выступали маркерами, обличавшими некий порок и духовный изъян архипастыря. Учитывая, что вероятнее всего это был сторожевой пёс, оберегавший богатства и жизнь епископа, о несовершенствах Феодора догадаться не так уж и сложно.

Однако, в то время как на берегах Волхова смерть епископов, начиная с Луки Жидяты, рассматривалась в качестве важного события местной жизни, что стало результатом включения местных иерархов в ритм многообразных забот этой земли²², ситуация в иных епископиях была отличной. За все первые сто лет христианства на Руси о смерти святителей иных епископских центров ничего не известно ни из общерусского, ни из новгородского летописания. Только граффити Киевского Софийского собора, традиционно датируемое приблизительно 1090 г., наконец-то известило о смерти епархиального архиерея из Южной Руси, белгородского епископа Луки²³, участника освящения Печерского собора²⁴. Сомнительно, чтобы первые русские святители были почтены удивительным долголетием святых праотцев Израиля. Наверняка они умирали, однако об их смерти (времени, месте и обстоятельствах) долгое время не сохранилось каких-либо известий. Возможные причины столь долгого молчания о смертях архиереев иных земель необходимо искать в целом комплексе обстоятельств: в неразвитости и отсутствии местных летописаний и епископских канцелярий, в состоянии церковной жизни на Руси, в степени зрелости самой церковной структуры, и конечно же в отсутствии нор-

²¹ О табуированной и ненормативной экспрессивной лексике у славян см. подробнее: *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б.А.* Избранные труды: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 53-128.

²² Пример Луки Жидяты, наверно, первый яркий образец включения епархиального архиерея в жизнь своего кафедрального города (см. подробнее: *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята... С. 126-155).

²³ «Месяца августа в 22 преставися раб божий Лука епископ блаженный Белгородский» (*Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI-XIV вв.: Вып. 1. Киев, 1966. С. 45-47 [10 граффити]).

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199; Киево-Печерский патерик... С. 314, 315.

мальных отношений внутри епископата: между митрополитом и подчинёнными ему епископами, с одной стороны, и между епископатам вообще, с другой.

Первое же датированное летописное сообщение о кончине епархиального архиерея относится к 1094 г. Под указанной датой Повесть временных лет (*далее* ПВЛ) известила о смерти епископа Стефана владимирского (Владимира на Волыни)²⁵. При этом были указаны не только день кончины, но и её час. Появление имени названного архиерея в Повести временных лет не случайно. Очевидно, личность Стефана может быть отнесена к числу знаковых. Внёсший эту запись летописец не преминул упомянуть, что прежде Стефан был игуменом Печерского монастыря и приемником преп. Феодосия. Примечательно, что сообщения о жизни и смерти значительной части Печерских игуменов и архимандритов домонгольского периода оказались сохранёнными не только в Патерике, но и в древнерусском летописании²⁶. Здесь считаем важным обратить внимание на то, что первое упоминание о смерти киевских

²⁵ «в се же лет[о] преставися еп[и]с[ко]пъ Володимерьскеи . Стефанъ . м[еся]ца . апреля . въ . 27 . въ . 6 . час ноци . бывшу прежде игумену Печерьскаго монастыря» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 217).

²⁶ Повесть временных лет и Печерский Патерик так или иначе, но сообщают о смерти и месте погребения значительной части игуменов Печерского монастыря. Так, например, Печерский Патерик доносит несколько смутное известие о смерти первого Печерского игумена Антония. Правда, данная запись сохранила эти сведения в общих чертах, без упоминания точной даты. Однако, при этом указывались место захоронения Антония и число лет жизни, проведённых подвижником в обители (Киево-Печерский патерик... С. 318-321). О смерти Варлаама Печерский Патерик умалчивает. Очевидно, это связано с тем, что Варлаам ушёл в богатый Дмитров монастырь князя Изяслава (Киево-Печерский патерик... С. 318-321). Кончина Феодосия (†1074), сопровождавшаяся приходом князя и разногласиями среди братии о приемнике, была описана наиболее подробно (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 173-179). О смерти Никона, преемника Стефана и Феодосия, сообщается под 1088 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199). Преставление игумена Иоанна (умер между 1103-1108 гг.) оказалось незамеченным, хотя его деятельность отражена весьма подробно и в ПВЛ, и в Патерике. Игумен Феоктист (†1123), прославившийся даром молитвы (участвовал в исцелении преп. Никиты, будущего епископа Новгородца) умер в епископском сане, будучи Черниговским святителем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286-287). В этом отношении сообщение о его кончине напоминает подобную же запись о смерти Стефана. Также под 1156 г. Лаврентьевская летопись и Патерик сохранили известие о смерти Печерского игумена Феодосия грека, союзника Нифонта Новгородского в борьбе с Климентом Смолятичем (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 346-347). В 1183 г. скончался первый Печерский архимандрит Поликарп (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 626-627; Киево-Печерский патерик... С. 486, 487). И на этот раз время смерти прославленного подвижника и сопутствующие ей события были указаны предельно точно и подробно.

Смерть древнерусских архиереев

митрополитов также приходится примерно на эти же годы, на 1089-90-й годы²⁷.

Очевидно, упомянутые выше перемены в отношении современников к смерти своих иерархов стало следствием, во-первых, произошедшего в период правления Всеволода Ярославича повышения роли церкви в политической жизни Руси и во внутридинастических отношениях Рюриковичей²⁸ и, во-вторых, результатом установления более тесных контактов между кафедрой Киева и некоторыми епископскими центрами. О том, что такие отношения налаживались, можно судить по появлению в новгородском летописании известий о прибытии на Русь некоторых митрополитов и их смерти (1090, †1091, 1104)²⁹, о поставлении епископов во Владимир, Переяславль и Полоцк (1105)³⁰ и иные события из жизни Киева и Печерской обители³¹. Все обозначенные сообщения не имели отношения к жизни Новгорода. Их появление можно объяснить двумя не исключаящими друг друга причинами. Во-первых, они могли отражать особые церковно-политические претензии Новгорода. И, во-вторых, их появление вероятно стало следствием тесных связей новгородской кафедры с Киевом в период святительства епископа Никиты, бывшего печерского затворника. Во всяком случае, какое-то сближение Новгородской кафедры с Киевом наблюдались и до Никиты. Об этом можно судить по тому,

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199-200; *Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 63-67.

²⁸ См. подробнее: *Гайденко П.И.* Церковное управление в период великого княжения Всеволода Ярославича // *Вестник Челябинского государственного университета: История.* Выпуск 38, 2009. 41 (179). С. 110-118.

²⁹ Под 1090 г. сообщается о приходе на Русь митрополита Иоанна Скопца, а под следующим, 1091 г., о его смерти (ПСРЛ. Т. 3. С. 202; Т. 4. С. 136). Под 1104 г. содержится новость о приходе на Русь митрополита Никифора (ПСРЛ. Т. 3. С. 203; Т. 4. С. 140).

³⁰ Названные поставления по сути ознакомили установление паритетных отношений между митрополичьей кафедрой, великокняжеским столом и Печерским монастырём. Кроме того, открытие в Полоцке кафедры способствовало перераспределению политических сил в кругу сторонников Святополка (ПСРЛ. Т. 3. С. 203; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. С. 174-175).

³¹ Освящение церкви св. Михаила (1088), Успенского собора в Печерском монастыре (1089), Михайловского храма в Переяславле (1090), перенесение мощей преп. Феодосия (1091), окончание строительства трапезной в обители Антония и Феодосия (1107), киевский пожар (1109) и т.д. (ПСРЛ. Т. 3. С. 202-203) указывали на то, что для новгородской кафедры все перечисленные события воспринимались в качестве важных и знаковых. Вероятно, появление подобных записей отражало амбициозное желание новгородцев осознавать свою включённость в жизнь Киева и митрополии.

что в 1095 г. в Киеве умер новгородский епископ Герман³². Его поездка на берега Днепра, скорее всего, была вызвана ростом межкняжеских противоречий и намерением Владимира Мономаха предать своего строптивого родича Олега общему суду в присутствии игуменов и епископов³³.

Во всяком случае, некоторое время на страницы Новгородского летописания попадали не только киевские события, но и известия из других земель. Под 1111 г. Новгородское и общерусское летописание известило о смерти черниговского епископа Иоанна³⁴. Занимая одну из ведущих кафедр, он был отмечен долголетием, был не единожды упомянут в южнорусском и в новгородском летописании. Правда, вскоре, сообщения Новгородских сводов о южнорусских событиях становятся всё более редкими. Но если такие записи и появлялись, то подобно истории противостояния вокруг поставления Климента Смолятича объяснялись интересами Новгорода и его претензиями на широкую церковно-политическую автономию³⁵.

Начиная с XII в., известия общерусских сводов о смерти епископов становятся своего рода «нормой». Под 1117 г. сообщается о преставлении переяславского архиерея Лазаря (6 сентября)³⁶. Под 1121 г. сохранено известие о смерти митрополита Никифора. Примечательно, что назвав месяц произошедшего, летописец не стал указывать дату смерти первосвятителя. Не прозвучало и каких-либо похвал в адрес Никифора, и это при том, что литературное наследие этого святителя одно из самых объёмных в домонгольской Руси. Правда, летописец, сопроводил известие о смерти митрополита описанием произошедших в те дни природных «знамений»³⁷. На этот раз сообщение о смерти первосвятителя, как это было в случае с митрополитом Иоанном Скопцом, в новгородскую погодную запись не попало.

Последующие погодные записи общерусского свода также непременно упомянуть о смерти ряда епископов, юрьевского Даиила, владимирского Амфилохия (†1122)³⁸, переяславского

³² ПСРЛ. Т. 4. С. 137.

³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273; Т. 3. С. 203.

³⁵ *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 29-32; *Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы... С. 50.

³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286.

³⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286.

Смерть древнерусских архиереев

Сильвестра и черниговского Феокиста (†1123)³⁹, «блаженного» черниговского Пантелеимона (†1142)⁴⁰. Под 1156 г. в южнорусском летописании вновь сообщается о смерти новгородского владыки. Знаменитый архиепископ Нифонт скончался в Печерском монастыре. Он был уже вторым, а возможно, и третьим⁴¹, новгородским святителем, смерть которого была связана с Киевом. Однако в отличие от предшественника, Стефана, задушенного собственными холопами, смерть Нифонта была сопровождена необычайно обширным панегириком, представившим святителя в образе едва ли ни главного защитника христианства на Руси⁴².

Примечательно, что о смертях епископов иных кафедр помимо Новгорода, Переяславля, Чернигова и Владимира на Волыне южнорусское летописание долгое время, до конца XII в. не упоминает. Внимание летописцев привлекали, как правило, поставления епископов, а с середины XII в. - судебные процессы над архиереями: закованным в кандалы Иоакимом Туровским⁴³, взяточником Леоном Ростовским⁴⁴, властным Феодором Ростовским⁴⁵ и стяжательным Кириллом Владимирским⁴⁶.

На фоне этого обилия специфических сообщений привлекают внимание записи о преставлении епископа Пахомия Ростовского⁴⁷ и «милостивого и учительного» Симона Суздальского⁴⁸. Сообщение о смерти Пахомия сопровождается трогательной обширной похвалой христианских качеств покойного, как истинного пастыря. В целом, появление подобных характеристик указывает на то, что к концу XII в. в церковном сознании наконец то начали выкристаллизовываться представления об идеальном архиерее, а в самом обществе возник осознанный запрос на определённый тип епископа. Вероятной причиной последнего стало активное вовлечение городов и княжеской власти (с середины XII в.) в процесс избрания кандидатов на вакантные архиерейские кафедры.

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286-287.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309.

⁴¹ А.С. Хорошев предположил, что Лука Жидята не доехал до Новгорода, поскольку был отравлен в Киеве (*Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. С. 19*).

⁴² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 483-484; Т. 3. С. 216-217.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314; Т. 2. Стб. 330.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 349.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-357.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

Особого внимания заслуживает вопрос о месте погребения епископов. Его полное положительное и ясное разрешение существует только в отношении Новгородской кафедры. Местом последнего упокоения местных архиереев была территория Софии. Причём довольно рано, начиная с владыки Мартирия, новгородские владыки погребались уже внутри самого храма, что для реалий домонгольской Руси, в которой такое право сохранялось за ктиторами церквей, а не за их служителями, во многом имело исключительный характер. Места последнего упокоения большинства епископов иных епархий в подавляющем большинстве случаев не известны. Упомянувшиеся раскопки в Турове дают полное основание полагать, что местные, туровские, епископы погребались на местном монастырском кладбище⁴⁹. Выдающимся явлением может рассматриваться погребение белгородского епископа Максима (†1189), над могилой и кельей которого был возведён храм⁵⁰. Что касается Ростова, то в конце XII столетия здесь ситуация напоминает ту, что присутствовала в Новгороде. В этом отношении примечательно первое подробное описание похорон местного правящего епископа. В отпевании и погребении Ростовского архипастыря Луки принимали участие князь, духовенство, монашество, а тело святителя было положено в храме Пресвятой Богородицы во Владимире⁵¹. Что касается «экстраординарных» похорон митрополита Константина, тело которого по завещанию было подвергнуто поруганию, то рассматривать их в качестве примера «типичных» проводов едва ли возможно⁵². Судя же по имеющимся захоронениям, можно заключить, что с XII в. епископам нередко оказывались почести, свойственные князьям: их погребали в дорогих одеждах и в шиферных саркофагах.

Сохранились совсем немного упоминаний и о том, как встречали епископы XI–XII вв. свою смерть. И в этом отношении наиболее информативным оказывается новгородское летописание, сообщая об обстоятельствах смерти некоторых архиереев, например, задушенного холопами Стефана, погибшего от собственной собаки Феодора, умершего в пути на кафедру Луки и Нифонта, скончавшегося в Печерском монастыре в ожидании нового митрополита. Однако, если смерти Луки и Нифонта были развязкой, постигших их страданий, то итог жизнь Стефана и Феодора ничего

⁴⁹ Лысенко П.Ф. Города Туровской земли... С. 40.

⁵⁰ Древняя Русь: Город, замок, село... С. 68.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 80–137.

Смерть древнерусских архиереев

героического не имел. Скорее, в кончине последних усматривалось нечто занятное и порочное. Между тем, особого внимания заслуживает страшная кончина епископа Феодора, любимца Андрея Боголюбского. Преданный мучениям и пыткам Феодорец, по мнению боголюбивого инока-летописца, заслужил свою «злую погибель»⁵³.

Несомненно, приведённые выше факты и суждения не исчерпывают всей полноты заявленной темы. Но они позволяют выявить некоторые закономерности, присутствовавшие в церковной жизни домонгольской Руси.

Продолжительное отсутствие упоминаний о смертях архиереев позволяет заключить, что причинной этого могли быть, во-первых, отсутствие интереса к их персонам или к личностям, занимавшим удалённые от тех или иных центров кафедры. Если при этом учесть, что наибольшая заслуга в составлении летописных сводов принадлежала монашеству, нельзя исключать того, что «вина» умолчаний о церковной жизни домонгольской Руси лежит и на иночестве, в котором невозможно не заметить «корпоративный» снобизм выходцев Печерского монастыря. К тому же исчезновению имён архиереев (не говоря уже о их смерти) способствовали церковная и политическая конъюнктура, отсутствие единого канонического пространства, допускавшего широкую независимость кафедр от Киева, а также замкнутость церковных центров, вызванная нерегулярными связями между епископатом. Во-вторых, нельзя исключать и того, что первые епископы-греки могли завершать свои дни за пределами своих епископий, у себя на родине, как это было и с некоторыми киевскими иерархами. В-третьих, вполне разумно допустить неравенство кафедр по праву чести, что не могло не сказаться и на отношении летописцев, находившихся при главенствующих кафедрах Киева и Новгорода, к епископату менее значимых кафедр. В-четвёртых, в летописании и Патерике уминались лишь те епископии, которые были наиболее тесно связаны с кафедрой и монастырём, при которых создавался источник. Наконец, в-пятых, рост упоминаний о смерти епископов и возникновение посмертных характеристик почивших святителей указывает на перемены в религиозном сознании восточных славян и их церковных институтов. Наблюдается постепенный росте христианского понимания смерти и её значения, а возникновение посмертных характеристик иерархов позволяет заключить о формировании ясных потребностей в отношении ожидаемых личных качеств своих святителей. По сути это представления об идеальном образе епископа, правда, эти ожидания начинают выявляться только с се-

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-357.

редины XII в. Тем не менее, всё вышеизложенное должно рассматриваться как подступ к сложной проблеме церковного сознания древнерусского общества.

Использованная литература.

1. *Баранкова Г.С.* Древнейшее русское каноническое сочинение киевского митрополита Георгия // Русская речь. 2008. № 5. С. 84-94.
2. *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI-XIV вв.: Вып. 1. / отв. ред. П. Н. Попов. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
3. *Гайденко П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 46. 2011. 22 (237). С. 82-87.
4. *Гайденко П.И.* Церковное управление в период великого княжения Всеволода Ярославича // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 38, 2009. 41 (179). С. 110-118.
5. *Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: «Университетская книга», 2013. 142 с.
6. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: «Наука», 1985. 432 с.
7. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII в. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. С. 30-65.
8. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296-641.
9. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Астрель, АСТ, 2003. 395, [5] с.
10. Летописец о ростовских архиереях / свт. Дмитрий Ростовский, А. Титов. СПб., 1890. XII, 26 с.
11. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. 208 с.
12. *Лысенко П.Ф.* Города Туровской земли. Минск: Изд-во «Наука и техника», 1974. 200 с.
13. *Матченко И.* Спорные вопросы по истории крещения Руси (Ответ на статью г. Левитского в «Христианском чтении» 1890 г.) // Странник, 1891. Т. 2.
14. *Мильков В.В.* Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в., 2009. № 2. С. 116-157.
15. Ответы Георггия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа // Славяне и их соседи. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: «Индрик», 2004. С. 233-255.

Смерть древнерусских архиереев

16. Полное собрание русских летописей: Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 2001. 496 с.
17. Полное собрание русских летописей: Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: «Языки русской культуры», 2001. 648 с.
18. Полное собрание русских летописей: Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: «Языки русской культуры», 2000. XII, 720 с.
19. Полное собрание русских летописей: Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: «Языки русской культуры», 2000. XXXVIII, 728 с.
20. Полное собрание русских летописей: Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: «Языки русской культуры», 2000. 288 с.
21. Поучение новгородского епископа Луки Жидяты к братии // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. Домонгольский период / сост. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 197-198; 494-498 [коммент. и сноски 902-914].
22. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: Наука, 2003. 245 с.
23. Сказание о туровском мнixe Мартыне // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988-1240). М., 1995. Кн. 2. С. 583.
24. *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М.: «Наука», 1975. 429 с.
25. *Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: «Индрик», 2004. С. 211-262.
26. *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б.А.* Избранные труды: В 3 т. М., 1994. Т. 2. С. 53-128.
27. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.
28. *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 224 с.
29. *Янин В.Л.* Некрополь новгородского Софийского собора. М.: «Наука», 1988. 240 с.